

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

IVANOVO STATE POWER UNIVERSITY

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOLOV'EVSKIE ISSLEDOVANIYA

SOLOVYOV STUDIES

Выпуск 3(63) 2019

Issue 3(63) 2019

Редакционная коллегия:

- М.В. Максимов* (гл. редактор), д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
А.П. Козырев (зам. гл. редактора), канд. филос. наук, г. Москва, Россия
Е.М. Амелина, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
И.И. Евлампиев, д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
И.А. Едошина, д-р культурологии, г. Кострома, Россия
К.Л. Ерофеева, д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
Н.В. Котрелев, ст. науч. сотр., г. Москва, Россия
Л.М. Максимова (отв. секретарь редколлегии), канд. филос. наук, г. Иваново, Россия
Б.В. Межуев, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
В.И. Моисеев, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
С.Б. Роцинский, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
В.В. Сербиненко, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
Е.А. Тахо Годи, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
С.Д. Титаренко, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Д.Л. Шукуров, д-р филол. наук, г. Иваново, Россия

Международная редакционная коллегия:

- Г.Е. Аляев*, д-р филос. наук, г. Полтава, Украина
Р. Гольдт, д-р филол. наук, г. Майнц, Германия
Н.И. Димитрова, д-р филос. наук, г. София, Болгария
П. Дэвидсон, д-р философии, г. Лондон, Великобритания
Э. Ван дер Зверде, д-р философии, г. Неймеген, Нидерланды
Я. Красицки, д-р филос. наук, г. Вроцлав, Польша
Б. Маришадье, д-р славяноведения, г. Париж, Франция
Т. Немет, д-р филос. наук, г. Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

Адрес редакции:

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьёва –
Соловьёвский семинар

Тел. (4932), 26-97-70, 26-97-75; факс (4932) 26-97-96

E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru

<http://solovyov-studies.ispu.ru>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим группам специальностей: 09.00.00 – философские науки; 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание; 24.00.00 – культурология.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему РИНЦ согласно договору № 580-12/2012 ЛО от 13 декабря 2012 г. с ООО «Научная электронная библиотека».

Журнал зарегистрирован в базе данных Ulrich's (США).

© М.В. Максимов, составление, 2019

© Авторы статей, 2019

© ФГБОУВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Владимир Соловьев. Эзотерические выписки и схемы 1870-х–1880-х годов из папки «Бог есть всё. Черновая разработка статьи об оккультизме». Часть первая / Подготовка к публикации и комментарии А.Л. Рычкова и К.Ю. Бурмистрова	6
Межуев Б.В. Движение вправо: Вл. Соловьев и его «Смысл войны».....	32
В.С. СОЛОВЬЕВ И ЕГО НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ <i>Материалы Международной научной конференции, г. Иваново, ИГЭУ, 15–16 ноября 2018 г.</i>	
Монсеев В.И. Философия всеединства Владимира Соловьева как новое учение о многообразии	59
Астапов С.Н. Концепция истории религии в «Чтениях о Богочеловечестве» В.С. Соловьева	68
Козырьков В.П. Идеи В.С. Соловьева по разработке альтернативной социологии в контексте русской духовной культуры	79
Тарасов Б.Н. «Тайна человека» и исторический процесс в историософской мысли русских философов и писателей (В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский, Ф.И. Тютчев)	93
Блинова О.А. «Арифметика любви» versus «Смысл любви»: неслиянность и нераздельность мысли Владимира Соловьева и Зинаиды Гиппиус	106

ФИЛОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

Шукуров Д.Л. Толкования библейского богооткровенного имени в трудах епископа Иоанна (Соколова) и В.С. Соловьева в оценке Архиепископа Феофана (Быстрова)	121
Иванов А.В., Журавлева С.М. Мысль и ее диалектика в поэзии Тютчева	138
Матвеева И.Ю., Евлампиев И.И. Религиозное учение Л. Толстого и концепция личности Л. Карсавина	150
Филатов А.В. Аксиология пространства и времени в адамическом мифе Н.С. Гумилева	162
Зенова Е.М. Категории «временное» и «вечное» в литературной критике И.Б. Роднянской	172

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ермичев А.А. Опыт исследования философии русского зарубежья. [Рец. на:] Ермишин О.Т. Философия русского зарубежья XX века. М.: Летний сад; Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019. 304 с.	185

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Поздравление Михаилу Викторовичу Максиму	190
НАШИ АВТОРЫ.....	191
О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЕВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ».....	195
О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЕВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ».....	197
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	197

УДК 114:82(470)
ББК 87.53:83.3(2)53

АКСИОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В АДАМИЧЕСКОМ МИФЕ Н.С. ГУМИЛЕВА¹

А.В. ФИЛАТОВ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1-й учебный корпус, г. Москва, 119991, Российская Федерация
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
ул. Поварская, 25а, г. Москва, 121069, Российская Федерация
E-mail: avphilatov@yandex.ru

Рассматриваются ценностные параметры пространства и времени в стихотворениях Н.С. Гумилева, участвующих в формировании авторского адамического мифа. Данный миф представлен в художественных текстах через использование образов Адама и Евы, локусов рая, а также сада или неизвестной земли, отсылающих к мифологеме рая, и мотивов освоения нового пространства и преодоления жизненных трудностей. При анализе поэтических текстов Гумилева используются структуралистские методы описания модели мира в мифе, на основе которых даются характеристики двух главных оппозиций в структуре мифа: «сакральный центр – враждебная периферия» и «сакральное прошлое – профанное настоящее». Выдвигается гипотеза о том, что данные оппозиции являются опорными в авторском мифе Гумилева, который конструируется по аналогии с архаическими мифами и противостоит некоторым неомифологическим тенденциям в литературе XIX – XX веков, в которых устойчивые ценностные оппозиции деформируются, часто выступая в инвертированном варианте. Доказывается, что структура гумилевского мифа строится на противопоставлении земного и райского миров, при этом рай наделяется чертами мифологического локуса, а земля наделяется семантикой опасности и враждебности. Констатируется, что мотивы одомашнивания земного пространства и поисков рая воздействуют на аксиологический статус земного мира, который в восприятии героев становится амбивалентным (стихотворения «Канцона» 1917 и 1920 годов). Показано, что благодаря циклической модели времени, характерной для мифологического сознания, пребывание Адама и Евы в раю получает значение идиллического прошлого (стихотворение «Сон Адама») и желанного будущего (стихотворение «Баллада»), что проецируется и на восприятие мировой истории (стихотворение «На путях зеленых и земных...»). Делается вывод, что реализация мифологемы рая у Гумилева вариативна и интенциональна, т. е. зависит от системы ценностей героя в конкретном произведении.

Ключевые слова: адамический миф Н.С. Гумилева, мифологическое пространство, мифологическое время, ценностные оппозиции, философия пространства и времени, райский локус, образ Адама, философские принципы акмеизма, художественная аксиология, неомифология

¹ Статья написана по материалам доклада на Международной научной конференции молодых ученых «ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ФИЛОСОФИИ», организованной Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН по проекту РНФ №17-18-01432 «Русская литература и философия: пути взаимодействия»; Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»; Центром русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева Института филологии Московского педагогического государственного университета.

AXIOLOGY OF SPACE AND TIME IN N.S. GUMILEV'S ADAMIC MYTH**A.V. FILATOV**

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie gory, the 1st study building, Moscow, 119991, Russian Federation
Institute of World Literature A.M. Gorky the Russian Academy of Science,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation
E-mail: avphilatov@yandex.ru

The article is devoted to the value status of space and time in N.S. Gumilev's poems involved in the formation of his adamic myth. This myth is presented in the literary works through the characters of Adam and Eve, the loci of paradise, as well as the garden or unknown land alluding to the mythologem of paradise, and the motifs of exploring the new space and overcoming life difficulties. Structuralist methods of describing the model of the world in the myth are used to analyse Gumilev's poetic texts and to characterize two main oppositions in the structure of the myth: "sacred center – hostile periphery" and "sacred past – profane present". A hypothesis is put forward that these oppositions are essential in the adamic myth, which is constructed by analogy with archaic myths and counteracts some neomythological tendencies in the literature of the 19th and 20th centuries, where stable value oppositions are deformed and often inverted. It is proved that the structure of Gumilev's myth is based on the counterposition of the earth and heaven, with the paradise having features of a mythological locus and with the earth associated with the semantics of danger and hostility. The article asserts that the motifs of domestication of the earthly space and the search for paradise influence the axiological status of the earthly world, which becomes ambivalent in the characters' perception (poems "Canzone" written in 1917 and 1920). The article shows that due to the cyclical model of time, characteristic of the mythological consciousness, Adam and Eve's abode in paradise acquires the meaning of an idyllic past (the poem "The Dream of Adam") and a desired future (the poem "The Ballad"), which is projected on to the perception of the world history (the poem "On the green and earthly ways..."). The author of the article comes to the conclusion that Gumilev's implementation of the mythologem of paradise is variable and intentional, i.e. depends on the character's value system in a particular work.

Key words: *N.S. Gumilev's adamic myth, mythological space, mythological time, axiological oppositions, philosophy of space and time, paradisiacal locus, character of Adam, philosophical principles of acmeism, literary axiology, neomythology*

Особенностью конструирования мифологической модели мира является ценностное осмысление базовых пространственных и темпоральных оппозиций. Подобным свойством также обладают художественное пространство и время в литературе. Как писал М.М. Бахтин, «хронотоп в произведении всегда включает в себя ценностный момент»². Однако если в искусстве эти аксиологические параметры вариативны, не заданы изначально и определяются жанром, направлением, авторской концепцией и т. д., то мифологическое представление о пространстве и времени характеризуется стабильной аксиологией. Магистральной мифологической оппозицией является противопоставление «сакрального» и «профанного», что передает основной пафос древней мифологии – борьбу космоса с хаосом и неизбежную победу первого, выражающуюся в гармонизации мироздания. При этом «космос с самого начала включает цен-

² См.: Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа* в романе // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Худож. лит., 1975. С. 391 [1].

ностный, этический аспект»³, благодаря чему структура мифа ценностно поляризуется и члены каждой оппозиции, помимо своей основной семантики, получают дополнительную аксиологическую окраску.

В аспекте пространства проекция центральной оппозиции находит выражение в горизонтальном и вертикальном измерениях. В первом случае фундаментальным является противопоставление *сакрального центра* и *враждебной периферии*, что отражает представления об освоенном и неосвоенном пространстве, представляющем потенциальную угрозу. Поэтому пространство мифа «прерывисто, разделено многочисленными рубежами, впрочем, зыбкими, подвижными, зависимыми, в частности, от суточного и календарного времени (день/ночь, будни/праздник и т.п.)»⁴. Вертикальная модель строится, как правило, на тернарной оппозиции неба, «срединного» мира людей и преисподней, ставшей результатом «двойного противопоставления верха и низа, а затем и дифференцированной характеристики нижнего мира как местопребывания мертвых и хтонических демонов и верхнего как местопребывания богов, а впоследствии и “избранных” людей после их смерти»⁵.

Время в мифе выступает в дихотомии *сакрального прошлого* и *профанного настоящего*. При этом «мифическое прошлое – это не просто предшествующее время, а особая эпоха первотворения ..., “начальные”, “первые” времена, предшествующие началу отсчета эмпирического времени»⁶. Именно такое время является мифическим в полном смысле этого слова и противопоставлено реальному историческому. Данная дихотомия является источником циклической модели времени, поскольку «эпоха первотворения» выполняет парадигматическую функцию по отношению ко всем последующим событиям. Как отмечает С.Ю. Неклюдов, «миф как бы постоянно присутствует “здесь” и “сейчас”. Можно представить себе, что для мифологического сознания существует некая “другая реальность”, которая способна актуализоваться в “нашем” пространстве и оказывать на повседневную жизнь человека ощутимое влияние» [3, с. 14]. Поэтому циклическая модель в первичных мифах не осознается как нечто негативное, а, напротив, содержит в себе источник гармонизации мира, обращения ко времени его творения.

Подобное осмысление пространства и времени не является конституирующим для неомифологии в литературе XIX–XX веков, в которой ценностные оппозиции могли инвертироваться, создавая, например, образы враждебного центра и спасительной периферии⁷ как проявление неклассической картины

³ См.: Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. С. 169 [2].

⁴ См.: Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология / сост. М.В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005. С. 12 [3].

⁵ См.: Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. С. 214

⁶ Там же. С. 173.

⁷ См. описание пространства Петербурга Ф.М. Достоевского: Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказа-

мира в противовес ранней мифологии⁸. Тем не менее для многих авторов подобное переосмысление было недопустимым, поскольку гармонизирующее начало мифа представляло для них большую ценность.

Особый интерес в связи с этим приобретает рассмотрение аксиологии пространства и времени в адамическом мифе⁹ Н.С. Гумилева – художественно преображенной поэтом версии библейской легенды о первом человеке. Данный миф актуализируется в его текстах через использование образов Адама и Евы, локусов сада или неизвестной земли, отсылающих к мифологеме рая, а также мотивов освоения нового пространства и столкновения с тяготами жизни.

Противопоставление сакрального рая и грешной земли создается Гумилевым уже в стихотворении «Сон Адама» (1909 г.): главный герой, устав «от плясок и песен», засыпает у древа Познания и видит вещий сон, предвещающий его изгнание из рая. Земное пространство называется в стихотворении «суровой вьюгой», «обителью труда и болезней»¹⁰, т. е. осмысливается как враждебное для героя. Однако благодаря тому, что Адам постепенно осваивает его («На бурный поток наложил он узду, / Бессонною мыслью постиг равновесье / Как ястреб врзается он в поднебесье, / У косной земли отнимает руду»), это пространство меняет свой аксиологический статус. Позднее в теории акмеизма подобная трансформация отразится в идее «одомашнивания» окружающего мира и понятии «утварь»: «Вещи, втянутые в сферу человека, в стихотворениях акмеистов обладают двояким смыслом: они ценны и важны сами по себе и в то же время являются отражением внутреннего бытия личности»¹¹. Открытие новых пространств становится первым шагом к культурному освоению земного мира. Поэтому не случайно Адам Гумилева представлен в роли и путешественника («Он любит забавы опасной игры /– Искать в океанах безвестные страны <...>»), и художника, который любит «скрежет стального резца, дробящего глыбистый мрамор для статуй»¹². Важная для будущего акмеизма роль Адама как изобретателя имен здесь еще остается неостребованной, но очевидно, что деятельность героя направлена на гармонизацию опасного земного пространства и уподобление его райскому локусу, с которым Адама на земле связывают

ние») // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 202–207 [4].

⁸ См.: Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Издательский центр «Академия», 2013. С. 56–57 [5].

⁹ Подробнее о сюжете адамического мифа Гумилева, специфике его героев и авторской трансформации канонического сюжета см.: Филатов А.В. Аксиологический подход к изучению мифопоэтики: адамический миф в лирике Н.С. Гумилева // Новый филологический вестник. 2017. №4(43) С. 141–149 [6].

¹⁰ См.: Гумилев Н.С. Сон Адама // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. С. 255 [7].

¹¹ См.: Кихней Л.Г. Философско-эстетические принципы акмеизма и художественная практика Осипа Мандельштама. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 28 [8].

¹² См.: Гумилев Н.С. Сон Адама // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 1. С. 256.

не только воспоминания, между ними существует духовная связь: «Он новые мысли, как светлых гостей, / Всегда ожидает из розовой дали»¹³.

В гумилевском мифе Адам и восходящие к нему персонажи наделяются функцией культурного героя, который в классическом героическом мифе участвует в заключительном этапе космогизации мира, причем этот этап приобретает значение инициации героя, его проверки божеством. По словам В.Н. Топорова, «доведя человека до некоей пограничной черты, божественный demiургический персонаж как бы “отпускает” его, передавая свою “творящую” функцию самому человеку в надежде и уповании на то, что он уже усвоил уроки “творения”» [9, с. 9]. Адам Гумилева играет роль медиатора, связывающего два пространства и снимающего напряжение между ними через акт освоения «чужого» мира. Именно поэтому герои поэта часто являются путешественниками и мореплавателями.

Рай в восприятии Адама одновременно является и эталоном сакрального пространства, которое он хочет воссоздать в земном мире, и целью его путешествия, в чем можно видеть отголоски циклического времени мифа, для которого все изменения обратимы. Семантика путешествия при этом расширяется, воспринимаясь как метафора жизненного пути. Именно такую функцию выполняет райский локус в стихотворении «Баллада» (1910 г.), подаренном Гумилевым А.А. Ахматовой в день их венчания. Идиллическое описание пространства здесь вполне традиционно («В моей стране спокойная река, / В полях и рощах много сладкой снеди...»¹⁴), а отождествление себя с юношей Адамом и упоминание Христа-младенца отсылает не к библейским событиям, а к мифологическим начальным временам. Это проявляется в том, что в раю у Гумилева не действуют законы эмпирического линейного времени и персонажи разных эпох могут находиться там вместе. Юность является постоянным атрибутом героев, находящихся в райском локусе, этот мотив встречается в «Сне Адама»: «И кроткая Ева, игрушка богов, / Когда-то ребенок, когда-то зарница...»¹⁵. Таким образом, рай представляет собой специфический хронотоп, возможный только в инобытии, где время течет по-другому.

Отметим, что дихотомия сакрального прошлого (потерянный рай) и профанного настоящего (современность) не исключает их соположения в циклической модели, поскольку Гумилев использует именно мотив возвращения в рай, который когда-то являлся для героя «родиной»¹⁶. Этим поэт как бы зеркально удваивает хроникальную оппозицию времен: райское время маркирует у него и прошлое и будущее. Применение аллегории в «Балладе» позволяет видеть в поиске рая символическую цель, не обязательно связанную с пространствен-

¹³ См.: Гумилев Н.С. Сон Адама // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 1. С. 257.

¹⁴ См.: Гумилев Н.С. Баллада // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). М.: Воскресенье, 1998. С. 5 [10].

¹⁵ См.: Гумилев Н.С. Сон Адама // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 1. С. 257.

¹⁶ Вариант этого мотива (возвращение в дом-сад) Гумилев использует в поэме «Блудный сын» (1911 г.) и стихотворении «Приглашение в путешествие» (1918 г.).

ными перемещениями, хотя чаще всего мотив поисковрая реализуется в рамках темы путешествий.

Видениерая может открываться перед лирическим героем в моменты сильных переживаний, например когда он «болен любовью», как в стихотворении «Райский сад» (1911 г.): «Те же кресла, и комната та же... / Что же было? Ведь я уж не тот: / В золотисто-лиловом мираже / Дивный сад предо мною встает» [11, с. 63]. Комната героя преобразуется, и перед ним встает чудесный сад, сразу же ассоциирующийся с начальными временами («Ах, такой раскрывался едва ли / И на ранней заре бытия <...>»). Герой смутно припоминает, что когда-то был причастен этому миру, поскольку идентифицирует его с детскими воспоминаниями (сигнал мифического времени): «...Странно! Сад этот знойный и зыбкий / Только в детстве я видел во сне». Память о рае может вызывать и образ любимой женщины: «И ты казалась мне желанной, / Как небывалая страна, / Какой-то край обетованный / Восторгов, песен и вина»¹⁷. Чтобы показать глубину своего чувства, герой обращается к личному эталону оценки земной реальности, той мере, сообразно с которой ему необходимо преобразовывать мир.

Райский локус приобретает в структуре адамического мифа значение начальной и конечной точки жизненного пути Адама. Диапазон реализаций этой мифологемы может включать как реальные места (поэма «Открытие Америки», 1910 г.), так и вымышленные («Иная Индия» из стихотворения «Северный раджа», 1908 г.). Важно, что достижение этого локуса является высшей ценностью для героя, оправдывающей любые лишения и трудности и осознающейся как жизненное предназначение. Тем не менее его выполнение часто оказывается невозможным: достижение цели в границах земного мира обнаруживает ее несоответствие райскому локусу. Поскольку модель мифа утверждает противопоставление двух пространств, одно из них не может включать другое. Именно поэтому Колумб, так долго и упорно плывший на Запад и наконец открывший новый континент, не чувствует себя счастливым: «Мой высокий подвиг я свершил, / Но томится дух, как в темном склепе»¹⁸. В то время как команда корабля с удивлением рассматривает новый мир, одновременно пугающий и чарующий («Так же на змеистые лианы / С криками взбегали обезьяны; / Цвел волчек; как грешники в аду, / Звонко верещали какаду... / Так же сладко лился в наши груди / Аромат невиданных цветов ...»¹⁹), что является признаком еще не освоенного пространства, Колумб молится Богу, прося у него «цепи», выступающие не только атрибутом смиренности, но и символом новой жизненной цели, которая бы указала ему направление к раю.

Чтобы показать, что «небесный дом», который смутно припоминают герои, не тождественен земному дому, Гумилев обращается к мифологическому

¹⁷ См.: Гумилев Н.С. Ветла чернела... // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М.: Воскресенье, 2001. С. 74 [12].

¹⁸ См.: Гумилев Н.С. Открытие Америки // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). М.: Воскресенье, 1998. С. 27 [13].

¹⁹ Там же. С. 26–27.

образу Одиссея, чье трудное и исполненное испытаниями возвращение домой не принесло желанного покоя из-за проклятия Посейдона. В своем цикле «Возвращение Одиссея» (1909 г.) Гумилев сохраняет этот мотив. Его герой зовет сына Телемаха в новое путешествие: «Надо служить беспощадному богу, / Богу Тревоги на черных путях»²⁰. Однако к этой внешней необходимости добавляется внутренняя мотивировка. Во-первых, это тяга Одиссея к странствиям («Снова полюбим влекущую даль мы ...»²¹), а во-вторых, осознание «чуждости» домашнего пространства, которое здесь связано с негативной оценкой Пенелопы, что не соответствует традиционному восприятию героини: «Пусть не запятнано ложе царицы, – / Грешные к ней прикасались мечты. / Чайки белей и невинней зарницы / Темной и грешной ее красоты»²².

Цикличность мифического времени, для которого пребывание в раю является и началом и концом истории, усложняет структуру пространства, делая периферию аксиологически амбивалентной. Из-за этого герой как бы находится в вечном поиске и неудовлетворении. Подобная двойственность восприятия распространяется на все земное пространство, которое то напоминает герою рай, то, напротив, заставляет томиться по иному. Если в «Канцоне» 1917 года сказано «Храм Твой, Господи, в небесах, / Но земля тоже Твой уют»²³, то в «Канцоне» 1920 года два мира уже ценностно противопоставлены: «Там, где всё сверканье, всё движенье / Пенье всё, – мы там с тобой живем. / Здесь же только наше отраженье / Полонил гниющий водоем» [16, с. 94].

В масштабе мировой истории циклическое время в адамическом мифе участвует в формировании авторской эсхатологической концепции. В стихотворении «На путях зеленых и земных...» (1917 г.) конец мира представлен как примирение сил космоса и хаоса. Серафим обращается к «тоскующему змею» со словами: «Нежный брат мой, вновь крылатый брат, / Бывший то властителем, то нищим, / За стенами рая новый сад, / Лучший сад с тобою мы отыщем» [17, с. 159]. Словесная переключка с поэмой «Блудный сын» («Пока я блуждал, то распутник, то нищий»²⁴), а также общие для двух текстов образы садов и брата/сестры подтверждают универсальность мотива возвращения для гумилевского мифа. Обретение «нового сада» за пределами райского локуса означает расширение последнего на весь мир, уничтожающее дихотомию мифа и реальности. Сакральный центр полностью заполняет враждебную периферию, что делает пространство и время однородными, завершая процесс гармонизации мира и снимая напряженность всех семантических оппозиций.

²⁰ См.: Гумилев Н.С. Избиение женихов // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. С. 229 [14].

²¹ Там же. С. 230.

²² Там же.

²³ См.: Гумилев Н.С. Канцона // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). М.: Воскресенье, 1999. С. 149 [15].

²⁴ См.: Гумилев Н.С. Блудный сын // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). М.: Воскресенье, 1998. С. 33 [18].

В результате можно утверждать, что созданный Гумилевым миф структурно подобен архаическим мифам. В его основе – противопоставление двух миров, восходящих к оппозиции «рай – земля». В характеристике пространства рай приобретает значение сакрального центра, безопасного и освоенного места, тогда как земной мир наделяется семантикой враждебной периферии, неизвестной и исполненной опасностей, которая, осложняясь мотивами «одомашнивания» пространства и поисковрая, приобретает амбивалентные черты. Аналогичное распределение функций происходит и в отношении художественного времени: райские события получают значение сакрального прошлого и желанного будущего, тогда как земная жизнь длится в профанном настоящем.

Поляризация мифа приводит к тому, что конечная цель пути Адама также предстает в двух ипостасях: истинный рай изначально внеположен материальному миру, но присутствует в нем в виде собственной проекции – какого-то реального локуса, изображенного как прекрасный сад или священное место. Форма реализации этой проекции зависит от внутренних устремлений лирического субъекта, восходящего к архитипическому образу Адама. Достижение райской проекции составляет заветную цель героя, однако он неизменно разочаровывается в ней, обнаруживая ее нетождественность небесному раю.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
2. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
3. Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология / сост. М.В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005. С. 9–26.
4. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 193–258.
5. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Изд. центр «Академия», 2013. 432 с.
6. Филатов А.В. Аксиологический подход к изучению мифопоэтики: адамический миф в лирике Н.С. Гумилева // Новый филологический вестник. 2017. № 4(43) С. 141–149.
7. Гумилев Н.С. Сон Адама // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. С. 255–258.
8. Кихней Л.Г. Философско-эстетические принципы акмеизма и художественная практика Осипа Мандельштама. М.: Диалог-МГУ, 1997. 232 с.
9. Топоров В.Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 7–111.
10. Гумилев Н.С. Баллада // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). М.: Воскресенье, 1998. С. 5–6.
11. Гумилев Н.С. Райский сад // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). М.: Воскресенье, 1998. С. 53–64.
12. Гумилев Н.С. Ветла чернела... // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М.: Воскресенье, 2001. С. 74.
13. Гумилев Н.С. Открытие Америки // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). М.: Воскресенье, 1998. С. 20–28.

14. Гумилев Н.С. Избиение женихов // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. С. 228–230.
15. Гумилев Н.С. Канцона // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). М.: Воскресенье, 1999. С. 149.
16. Гумилев Н.С. Канцона // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М.: Воскресенье, 2001. С. 94.
17. Гумилев Н.С. На путях зеленых и земных... // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). М.: Воскресенье, 1999. С. 159.
18. Гумилев Н.С. Блудный сын // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). М.: Воскресенье, 1998. С. 31–34.

References

1. Bakhtin, M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane: Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel: Essays on historical poetics], in Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Problems of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 234–407.
2. Meletinskiy, E.M. *Poetika mifa* [The poetics of myth]. Moscow: Nauka, 1976. 407 p.
3. Neklyudov, S.Yu. *Struktura i funktsiya mifa* [The structure and function of myth], in *Sovremennaya rossiyskaya mifologiya* [The contemporary Russian mythology]. Moscow: RGGU, 2005, pp. 9–26.
4. Toporov, V.N. *O strukture romana Dostoyevskogo v svyazi s arkhaiskimi skhemami mifologicheskogo myshleniya («Prestuplenie i nakazanie»)* [On the structure of Dostoevsky's novel in connection with archaic patterns of mythological thought («Crime and Punishment»)], in Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Rite. Symbol. Image: research into mythopoetics]. Moscow: Progress–Kul'tura, 1995, pp. 193–258.
5. Khalizev, V.E. *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2013. 432 p.
6. Filatov, A.V. *Aksiologicheskii podkhod k izucheniyu mifopoetiki: adamicheskii mif v lirike N.S. Gumileva* [The axiological approach to the study of mythopoetics: the adamic myth in Nikolay Gumilev's lyrics], in *Novyy filologicheskii vestnik*, 2017, no. 4(43), pp. 141–149.
7. Gumilev, N.S. *Son Adama* [Adam's dream], in Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 1. Stikhotvoreniya. Poemy (1902–1910)* [Complete works in 10 vol., vol. 1. Poetry. Poems (1902–1910)]. Moscow: Voskresen'ye, 1998, pp. 255–258.
8. Kikhney, L.G. *Filosofsko-esteticheskie printsipy akmeizma i khudozhestvennaya praktika Osipa Mandel'shtama* [Philosophical and aesthetic principles of acmeism and Osip Mandelstam's literary practice]. Moscow: Dialog-MGU, 1997. 232 p.
9. Toporov, V.N. *Apologiya Plyushkina: veshch' v antropotsentricheskoy perspective* [The apology of Plyushkin: the thing in the anthropocentric perspective], in Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Rite. Symbol. Image: research into mythopoetics]. Moscow: Progress–Kul'tura, 1995, pp. 7–111.
10. Gumilev, N.S. *Ballada* [The ballad], in Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 2. Stikhotvoreniya. Poemy (1910–1913)* [Complete works in 10 vol., vol. 2. Poetry. Poems (1910–1913)]. Moscow: Voskresen'ye, 1998, pp. 5–6.
11. Gumilev, N.S. *Rayskiy sad* [Paradisical garden], in Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 2. Stikhotvoreniya. Poemy (1910–1913)* [Complete works in 10 vol., vol. 2. Poetry. Poems (1910–1913)]. Moscow: Voskresen'ye, 1998, pp. 53–64.
12. Gumilev, N.S. *Vetla chernela...* [The tip of willow tree was blackened...], in Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 4. Stikhotvoreniya. Poemy (1918–1921)* [Complete works in 10 vol., vol. 4. Poetry. Poems (1918–1921)]. Moscow: Voskresen'ye, 2001, p. 74.

13. Gumilev, N.S. Otkrytie Ameriki [Discovery of America], in Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 2. Stikhotvoreniya. Poemy (1910–1913)* [Complete works in 10 vol., vol. 2. Poetry. Poems (1910–1913)]. Moscow: Voskresen'e, 1998, pp. 20–28.

14. Gumilev, N.S. Izbienie zhenikhov [The slaughter of the suitors], in Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 1. Stikhotvoreniya. Poemy (1902–1910)* [Complete works in 10 vol., vol. 1. Poetry. Poems (1902–1910)]. Moscow: Voskresen'e, 1998, pp. 228–230.

15. Gumilev, N.S. Kantsona [Canzone], in Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 3. Stikhotvoreniya. Poemy (1914–1918)* [Complete works in 10 vol., vol. 3. Poetry. Poems (1914–1918)]. Moscow: Voskresen'e, 1999, p. 149.

16. Gumilev, N.S. Kantsona [Canzone], in Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 4. Stikhotvoreniya. Poemy (1918–1921)* [Complete works in 10 vol., vol. 4. Poetry. Poems (1918–1921)]. Moscow: Voskresen'e, 2001, p. 94.

17. Gumilev, N.S. Na putyakh zelenykh i zemnykh... [On the green and earthly ways...], in Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 3. Stikhotvoreniya. Poemy (1914–1918)* [Complete works in 10 vol., vol. 3. Poetry. Poems (1914–1918)]. Moscow: Voskresen'e, 1999, p. 159.

18. Gumilev, N.S. Bludnyy syn [Prodigal son], in Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 2. Stikhotvoreniya. Poemy (1910–1913)* [Complete works in 10 vol., vol. 2. Poetry. Poems (1910–1913)]. Moscow: Voskresen'e, 1998, pp. 31–34.

НАШИ АВТОРЫ

- Бурмистров**
Константин
Юрьевич кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философии исламского мира Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: kburmistrov@hotmail.com
- Рычков**
Александр
Леонидович г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: vp102243@list.ru
- Межуев**
Борис Вадимович кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: borismezhuev@yandex.ru
- Моисеев**
Вячеслав
Иванович д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии биомедицинской этики и гуманитарных наук Московского государственного медико-стоматологического университета имени А.И. Евдокимова, г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: vimo@list.ru
- Астапов**
Сергей
Николаевич доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии религии и религиоведения Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
E-mail: snastapov@sfedu.ru
- Козырьков**
Владимир
Павлович доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.
E-mail: kozir3@yandex.ru
- Тарасов**
Борис
Николаевич доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы Литературного института имени А.М. Горького, г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: bntarasov@yandex.ru
- Блинова**
Ольга
Александровна кандидат филологических наук, научный работник, прикрепленный к научно-исследовательской группе GEO (Groupe d'études orientales, slaves et néohelléniques) EA 1340 Страсбургского университета; преподаватель лицея имени Рёне Кассена, г. Страсбург, Франция.
E-mail: blinova.olga.aleksandrovna@gmail.com

- Шукуров**
Дмитрий
Леонидович доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории и культурологии Ивановского
государственного химико-технологического
университета, г. Иваново, Российская Федерация.
E-mail: shoudmitry@yandex.ru
- Иванов**
Андрей
Владимирович д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии
Алтайского государственного аграрного университета,
г. Барнаул, Российская Федерация.
E-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru
- Журавлева**
Светлана
Михайловна канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии
Алтайского государственного аграрного университета,
г. Барнаул, Российская Федерация. E-mail: jurav27@yandex.ru
- Евлямпиев**
Игорь Иванович доктор философских наук, профессор кафедры
русской философии и культуры Санкт-Петербургского
государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: yevlampiev@mail.ru
- Матвеева**
Инга Юрьевна кандадат филологических наук, доцент кафедры литературы
и искусства Российского государственного института
сценических искусств,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: inga.matveeva.spb@gmail.com
- Филатов**
Антон
Владимирович аспирант кафедры теории литературы филологического
факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова; научный сотрудник отдела русской
литературы конца XIX – начала XX века Института мировой
литературы имени А.М. Горького Российской Академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: avphilatov@yandex.ru
- Зенова**
Елизавета Михай-
ловна аспирант кафедры теории литературы филологического
факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: Lizazenova@gmail.com
- Ермичев**
Александр
Александрович д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры
философии Русской христианской гуманитарной академии,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: ozo.rchga@gmail.com